

Тяжба о Россіи

Россія сейчас окутана мракомъ. Странно противорѣчивы крикливые голоса монополистовъ слова, которые только и слышны оттуда. Страна молчитъ, и мы даже не знаемъ, есть ли ей что сказать, или двадцатилѣтнее молчаніе убило уже всякую потребность въ словѣ. Что сказала бы Россія, если бы вдругъ кляпъ выпалъ изъ ея рта? Мы наблюдаемъ совершающіеся на поверхности процессы, социальные сдвиги и соответствующіе имъ переломы въ сознаніи. Но затрагиваютъ ли эти процессы самую глубину народной жизни? Намъ ясенъ, болѣе или менѣе, правящій слой: его новая культура, его пожеланія, его октябрьскій націонализмъ. Мы знаемъ, что этотъ слой вышелъ изъ народа, связанъ съ народомъ болѣе тѣсно, чѣмъ, скажемъ, старое русское дворянство и интеллигенція. Но этого недостаточно, чтобы ставить между нимъ и народомъ знакъ равенства. Мы видимъ ясно, какъ выдѣляемый народомъ слой знатныхъ людей обособляется отъ народа, строитъ свое благополучіе на страданіяхъ вынесшей его массы. Можемъ ли мы быть увѣрены, что эта масса, страданій которой не удастся никакъ скрыть новымъ властителямъ жизни, раздѣляетъ ихъ оптимизмъ, ихъ волю къ жизни, ихъ упоеніе строительствомъ культуры? Вопросы, на которые мы не можемъ дать отвѣта. А между тѣмъ, отъ рѣшенія ихъ зависитъ правильное пониманіе будущаго Россіи. Обрѣла ли она въ революціи національную цѣльность, крѣпка ли она, выдержитъ ли удары внѣшняго врага, или первый толчекъ обнажитъ внутреннія противорѣчія, разрушитъ непрочное единство и превратитъ ее снова — и на этотъ разъ въ обстановкѣ безконечно болѣе трагической — въ человѣческую пыль?

Россія знаетъ грозящую ей опасность. Правящій слой дѣлаетъ усилія, чтобы встрѣтить войну не только технически, но и морально подготовленнымъ. Въ спѣшномъ порядкѣ куется національное сознаніе, такъ долго разрушавшееся. Возстанавливается частично, кусками, старая русская культура. Дѣлаются попытки примирить массы съ властью разными подачками, поблажками, смягченіемъ рабства. Но и отсюда видно, что

уступки недостаточны, восстановление медлительно. Время не терпит. Успѣютъ ли перестроиться, примириться, когда пробѣтъ двѣнадцатый часъ?

Въ этой перестройкѣ есть участокъ, самый отсталый и безнадежно запущенный, на которомъ хотѣлось бы остановить вниманіе. Вѣрнѣе, даже не участокъ строительства, а самъ строитель. Каковъ его нравственный обликъ, или, выражаясь по Ключевскому, нравственный капиталъ, съ которымъ онъ стоитъ передъ лицомъ тревожной и запутанной жизни? Этотъ обликъ есть самое неуловимое, ибо самое измѣнчивое въ современной Россіи. Мѣшается пониманію и различіе социальныхъ слоевъ и типовъ, и чередованіе противорѣчивыхъ социальныхъ заказовъ литературѣ, призванной отражать новаго человѣка. Уже очень она, эта литература, изолгалась за долгіе годы потаканья и приспособленья. Конечно, это зеркало, но зеркало совѣмъ кривое, и мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ кривизна его обусловлена законами художественнаго преображенія и въ какой мѣрѣ требованіями заказчика. Но мы чувствуемъ, что человѣкъ — это самое важное въ современной Россіи (какъ, впрочемъ, всегда и вездѣ), что въ немъ только ключъ къ пониманію настоящаго и будущаго. Не видимъ его, не знаемъ, но должны знать и видѣть, чтобы не потерять всякое чутье Россіи. Остается любить даже не тѣни, а какъ бы запахи живой, но въ мракѣ протекающей жизни. Остается гадать, склеивать мозаику изъ случайныхъ фрагментовъ разсылающейся картины. Вести съ собой вѣчную тяжбу за Россію, провѣряя себя и себѣ противорѣча; на каждое «да» искать «нѣтъ». Это честиѣ, чѣмъ догматическое утвержденіе Россіи чаемой, прекрасной мечты, которой, можетъ-быть, не соответствуетъ никакая реальность. Россія намъ не любовница, а законная жена. Вспомнимъ, какъ Садко, въ поэмѣ А. Толстого отнесся къ прелестямъ подводныхъ красавицъ, и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаемъ свой выборъ — за «рябую лѣвку», за живую женщину, за Альдону.

1.

Трупнымъ воздухомъ тянетъ сейчасъ изъ Россіи. При желаніи можно найти тѣму отрадныхъ вещей для утѣшенія и надежды. Но эти струйки тѣбнія сейчасъ заглушаютъ все. Это не значитъ, конечно, что весь воздухъ въ Россіи отравленъ. Но сейчасъ вѣтеръ несетъ именно эту струю, и было бы лишемъ-ріемъ начинать рѣчь съ чего-нибудь другого. Подуло этимъ

вѣтромъ съ Зиновьевскаго процесса, и многіе утѣшаютъ себя тѣмъ, что гниетъ, собственно, коммунистическая партія, а не Россія, что намъ нужно радоваться ея разложению. Политически, можетъ-быть, это и такъ. Но мы собираемся говорить только о моральномъ балансѣ Россіи. А здѣсь дѣло обстоитъ иначе. За двадцать почти лѣтъ революціи партія слишкомъ срослась съ тѣломъ Россіи, слишкомъ обросла пупочниками, активистами, «безпартійными большевиками», чтобы ея разложение не заражало всего, что вокругъ. Это зараженіе началось давно. Имморализмъ присущъ самой душѣ большевизма, зачатого въ холодной, ненавидящей усмѣхкѣ Ленина. Его система — дѣйствовать на подлость, подкупать, развращать, обращать въ слякоть людей, чтобы властвовать надъ ними, дала блестящіе результаты. Но до послѣдняго времени гниль революціи была прикрыта угольками революціоннаго энтузіазма. Все новыя поколѣнія молодыхъ энтузіастовъ сжигали свою жизнь и сожгли на кострѣ революціи. Они совершали чудовищныя преступленія, но ихъ жертвенность заставляла прощать многое. Этотъ неподдѣльный энтузіазмъ, а не только декорации московскихъ режиссеровъ обольщали столькихъ чужестранныхъ гостей, даже самыхъ честныхъ, но скудныхъ собственной вѣрой, съ благоговѣніемъ касавшихся земли новой мессіанской религіи. Но вотъ энтузіазмъ умеръ — по крайней мѣрѣ, энтузіазмъ революціи — и иностранцы больше не обманываются. Все чаще возвращаются оттуда разочарованные. И это несмотря на безспорныя достиженія послѣднихъ лѣтъ, на возрастаніе сытости, довольства, виѣшней цивилизациі. Режиссерамъ стало трудно добиваться эффектовъ внушенія. Въ «сѣдое утро» пореволюціоннаго похмелья все отчетливѣе выступаетъ та система всеобщаго полицейскаго сыска и провокаціи, которая лежитъ въ основѣ управленія страной. Въ тѣхъ грандіозныхъ и поистинѣ неслыханныхъ въ исторіи формахъ, которыя приняла эта система, она развращаетъ не только аппаратъ власти, но и весь народъ. Какъ велико сейчасъ число людей, которые, вольно или невольно, не носятъ маски, надѣтой на нихъ полицейскимъ режиссеромъ? Не лгутъ, не клеветаютъ, не требуютъ казни для своихъ друзей, не оговариваютъ невинныхъ — или даже самихъ себя. Разныя могутъ быть мѣры и степени. Не всё — немногіе оказываются въ положеніи 16, но лгутъ всё. Вотъ страна, гдѣ сейчасъ никто, ни одинъ человекъ не можетъ сказать правды. До послѣдняго времени меньшинство — революціонная молодежь и активисты — имѣли монополию правды; ихъ оптимизмъ, до извѣстной степени, спасалъ Россію. Те-

перь петля затянута и на ихъ шеѣ. Ложь стала всеобщей повинностью, и въ какихъ извращеніяхъ! Чтобы отвлечь подозрѣнія, чтобы «украсть жизнь у тирана», люди, особенно ненавидящіе его, должны больше другихъ льстить ему и доказывать свою вѣрность реальными поступками. Сейчас революціонеръ-антисталинецъ, вѣроятно, долженъ имѣть наилучшія связи въ ГПУ, а чтобы имѣть, онъ долженъ заслужить ихъ. Злѣйшіе враги социализма пролѣзаютъ къ власти, не уставая клясться именемъ Маркса и пролетаріата, для того, чтобы держать въ тюрьмахъ и казнить защитниковъ угнетенныхъ рабочихъ и крестьянъ. Ленинская (или Нечаевская) мораль перестаетъ быть отравой партійнаго отбора; обобщаясь, национализируется, она грозитъ стать всенародной. Что будетъ съ націей, которая вотъ уже 20 лѣтъ какъ положила въ основу воспитанія своихъ гражданъ, съ самаго нѣжнаго дѣтства, подражаніе Иудѣ?

Годы идутъ, а удушье застѣнка все сгущается надъ Россіей. Сейчас оно болѣе, чѣмъ когда-либо, отравляетъ культурную жизнь. Власть хочетъ сама строить культуру новой Россіи, строить ее по-новому, не по марксистскимъ трафаретамъ. Она, въ сущности, сама не знаетъ, какъ. Но попрежнему командуетъ, раздаетъ директивы, ежечасно противорѣчащія другъ другу. Проводить ихъ теперь обязаны не партійцы, не испытанные марксисты, а работники культуры, для которыхъ ихъ ремесло, ихъ искусство — все. Вчера они были пассивнымъ объектомъ воздѣйствія, сегодня они должны проявлять активность, угадывать вѣлнія начальства. Трудно представить себѣ что-либо болѣе отвратительное, чѣмъ собранія квалифицированной интеллигенціи нашихъ дней, — по крайней мѣрѣ, по отчетамъ «Извѣстій». Поэты, ученые, художники наперерывъ выступаютъ съ унижительными покаяніями, съ клеветой и доносами другъ на друга. Клянутся въ вѣрности деспоту и отрекаются отъ идей, которыми служили всю жизнь. Совсѣмъ недавно на собраніи художниковъ Рудзутакъ — т. е. просто Сталинскій унтеръ — осмѣлился учить Юона, какъ надо рисовать и въ какой манерѣ воспитывать молодыхъ художниковъ. Теперь требуется «соціалистическій реализмъ», и этотъ лозунгъ развязываетъ наглость невѣждъ. Подражая Пушкинскому сапожнику въ роли критика, Рудзутакъ находить, что нарисованная кѣмъ-то лошадь не похожа на живую, — въ лошадахъ онъ, вѣроятно, знаетъ толкъ. И серьезные люди, артисты, старый мастеръ Юонъ не только должны выслушивать эту дичь, но оправдываться, давать обѣщанія исправиться... Можно представить себѣ, какъ задыхались они отъ униженія и безсильной злобы въ своихъ

постеляхъ въ ту ночь. Отъ партій, интеллигенціи, спускаясь ниже, по ступенькамъ соціальной лѣстницы, въ Россіи очень определенной, — на заводахъ, въ деревнѣ мы находимъ ту же атмосферу злобы и предательства. Испортить машину, пырнуть ножомъ выскочку-стахановца, сбивающаго заработокъ, угрюмо проголосовать резолюцію о разстрѣлѣ какихъ-нибудь вредителей, и мечтать о войнѣ, которая покончитъ со всѣми прятѣснителями — вотъ общественная жизнь пролетаріата, все еще, по имени, господина страны. Рабочій вредительствуетъ на фабрикѣ, крестьянинъ въ колхозѣ, не только пассивной забастовкой, но порой, за спиной начальства, уничтожаетъ жагву, чтобы избавиться себя отъ лишней барщины. Онъ ведетъ упорную, партизанскую борьбу съ властью — но какимъ оружіемъ! Покорный на собраніяхъ совѣтовъ, онъ убиваетъ выстрѣломъ въ спину председателя или секретаря; чтобы отомстить директору совхоза, онъ не останавливается передъ тѣмъ — мы читали и это — чтобы проломить головы его дѣтямъ. Не чистая, ползучая борьба, гдѣ, сипѣвшисъ съ удавомъ, человѣкъ самъ принимаетъ въ себя что-то змѣиное. Онъ ненавидитъ власть, но, когда несчастный, въ конецъ замученный бѣглецъ изъ концентраціоннаго лагеря приближается къ границѣ, окрестные крестьяне принимаютъ участіе въ погонѣ, не столько изъ страха отвѣтственности, сколько ради обѣщанной награды — за кулъ муки. Кулъ муки — цѣна крови (30 сребрениковъ). Мучительно хочется знать, сколько ихъ еще въ Россіи — тѣхъ, которые не прельстятся такой наградой за жизнь человѣка.

2.

Поскорѣе отвернуться отъ этой картины изъ Дантовскаго ада. Есть другія изображенія современной Россіи, болѣе утѣшительныя и нарисованныя свидѣтелями столь же достоверными. Это образы здоровья, кипучей жизни, бодрого труда и творчества. Здѣсь въ эмиграціи они хорошо извѣстны. Послѣдніе годы мы на нихъ отдыхаемъ отъ сталинскихъ кошмаровъ. Въ этихъ положительныхъ образахъ трудно лишь выдѣлить моральную сторону, интересующую насъ. Россія, несомнѣнно, позрѣждаетъ матеріально, технически, культурно. Народъ, теперь почти уже грамотный, весь прошедшій черезъ школу, жадно тянется къ просвѣщенію. Онъ выдѣляетъ изъ себя молодую; огромную по численности интеллигенцію, которая не щадя себя, не боясь никакихъ жертвъ, вгрызается въ «границы

науки», идти на заводы, въ поля — строить новую Россію, счастливую, богатую, великую. Героическая мечта этого поколѣнія — завоевать воздухъ, пустыни, полярные льды. Безстрашіе русскихъ летчиковъ и полярныхъ изслѣдователей вызываетъ изумленіе во всемъ мірѣ. Сколько талантовъ родитъ русская земля во всѣхъ областяхъ творчества: изобрѣтателей, музыкантовъ, чемпионовъ. Какъ хороша русская молодежь въ массовыхъ спортивныхъ состязаніяхъ. Какая слаженность, какое единство координированныхъ движеній и усилій. Люди, смотрѣвшіе русскія футбольныя команды за границей, отмѣчали, что сила русской игры не въ отдѣльныхъ достиженіяхъ, не въ атлетическихъ талантахъ, а въ согласованности и дисциплинѣ. Это ново и поистинѣ удивительно. Къ русской одаренности мы привыкли. Но знаемъ также хорошо и русский анархизмъ, неохоту и нелюбовь къ соціальной и трудовой дисциплинѣ. Новое поколѣніе преодолѣло эту распушенность, наслѣдіе мягкаго русскаго барства. Конецъ обломовщинѣ! Впечатлѣніе здоровья и силы, идущее отъ русской молодежи, не разсѣивается тѣмъ, что мы узнаемъ о ея сексуальной жизни. Въ этомъ отношеніи она не хуже всякой иной молодежи нашего времени. Одно время можно было бояться, что сознательное разрушеніе семьи и идеала цѣломудрія со стороны коммунистической партіи загубитъ дѣтей. Мы слышали объ ужасающихъ фактахъ разврата въ школѣ, и литература отразила юный порокъ. Съ этимъ, по видимому, теперь покончено. Развратъ дѣтей оказался накипью революціонныхъ лѣтъ, подобно хулиганству рабочей молодежи и дѣтской безпризорности. Сейчасъ нельзя уже обобщать этихъ мрачныхъ явленій. Безпризорныя дѣти перемерли въ лагеряхъ смерти. Хулиганство сублимировалось въ танцевальный запой. Школы подтянулись и дисциплинировались. Власть поддерживаетъ моногамную семью, борется съ абортami, съ половой распушенностью. Нѣтъ, съ этой стороны русскому народу не грозитъ гибель. Еще не истощены физическіе резервы расы. Она размножается съ поразительной и даже опасной для народнаго хозяйства быстротой.

На этомъ физическомъ здоровьѣ и крѣпости строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитаніе. Порядокъ, аккуратность, выполненіе долга, уваженіе къ старшимъ, мораль обязанностей, а не правъ — таково содержаніе новаго пореволюціоннаго нравственнаго кодекса. Новаго въ немъ очень мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось какъ буржуазное, и что является общечеловѣческимъ. Въ значительной мѣрѣ реставрировано десятиглаголіе. Правда, попрежнему съ прич-

матомъ соціального, съ принесеніемъ лица въ жертву обществу, но и лицо уже имѣетъ нѣкоторый малый кругъ, пока еще плохо очерченный, своей жизни, своей этики: дружбы, любви, семьи. И тотъ коллективъ, которому призвана служить личность, уже не узкій коллективъ рабочаго класса — или даже партіи, а нація, родины, отечества, которыя объявлены священными. Марксизмъ — правда, не упраздненный, но истолкованный — не отравляетъ въ такой мѣрѣ отроческія души философій матеріализма и классовою ненависти. Ребенокъ и юноша поставлены непосредственно подъ воздѣйствіе благородныхъ традицій русской литературы. Пушкинъ, Толстой — пусть вмѣстѣ съ Горькимъ — становятся воспитателями народа. Никогда еще вліяніе Пушкина въ Россіи не было столь широкимъ. Народъ впервые нашелъ своего поэта. Черезъ него онъ открываетъ собственную свою исторію. Онъ перестаетъ чувствовать себя голымъ зачинателемъ новой жизни. Будущее связывается съ прошлымъ. Въ удушенную рационализмомъ, технически ориентированную душу вторгаются вліянія и образы иного міра, полнозвучнаго и всечеловѣчнаго, со всѣмъ богатствомъ этическихъ и даже религіозныхъ эмоцій. Этотъ міръ уже не подъ запретомъ. Вѣчное заглядываетъ въ глаза, черезъ прошлое стучится въ настоящее. Совѣтскій звѣрьешъ становится человѣкомъ.

Эти образы новой Россіи, собранные изъ документовъ, изъ книгъ, съ чужихъ словъ подтверждаются опытно и, такъ сказать, зрительно, когда мы случайно сталкиваемся съ совѣтскою молодежью — студентомъ, инженеромъ, ученымъ — прѣзжающими за границу. Грубоватые, внѣшне малокультурные, они почти всегда производятъ симпатичное впечатлѣніе. Отъ нихъ вѣетъ здоровьемъ и силой, и притомъ не злой, а сдержанной, скорѣе скромной, хотя и увѣренной въ себѣ силой. Развѣ такіе бывають глаза у провокаторовъ и убійць? Когда мы глядимъ на нихъ, намъ не страшно за Россію. Мы готовы вѣрить въ ея будущее.

3.

Какъ примирить непримиримое? Какъ согласовать эти два портрета совѣтской Россіи, которые оба зарисованы множествомъ надежныхъ свидѣтелей? Простѣйшій выходъ изъ апоріи — принять одинъ и отвергнуть другой. Для большинства изъ насъ вопросъ рѣшается не изслѣдованіемъ, а вѣрой. Изначаль-

ное «да» или «нѣтъ» современной Россіи создаетъ въ насъ могоушественную апперцепцію, которая перемалываетъ впечатлѣнія жизни. Къ сожалѣнію, это правило относится, почти безъ исключенія, къ молодежи, которая ради немедленнаго дѣйствія избавляетъ себя отъ труда мысли. Здѣсь вопросъ ставится такъ: съ Солоневичами или съ возвращенцами? Между этими слѣпыми, или ослѣпленными, флангами, эмиграція все болѣе раскалывается пополамъ.

Каковъ же выходъ для зрячихъ? Для тѣхъ, кто не хочетъ брести въ потемкахъ? Нужно изощрять критическое воспріятіе жизни. Нужно учиться интерпретировать источники. Исследователь современной Россіи поневолѣ становится историкомъ. Да и на самомъ дѣлѣ, она труднѣе поддается пониманію, чѣмъ многія древнія, канувшія в Лету культуры.

Было бы слишкомъ легко отдѣлаться отъ проблемы, укрывшись за необозримую сложность жизни. Въ Россіи есть все (какъ и въ любой странѣ). Цѣльнаго образа построить нельзя. Можно лишь копить факты и наблюденія. Такой эклектизмъ не пригоденъ даже для исторіи, чѣмъ же онъ можетъ помочь въ лабиринтѣ жизненныхъ противорѣчій? Мы хотимъ найти ориентировочныя вѣхи въ хаосѣ явленій, отмѣтить существенное, усмотрѣть общіе контуры и направленіе событий...

Попробуемъ намѣтить нѣкоторыя изъ этихъ возможныхъ вѣхъ. Начнемъ съ внѣшняго, — такъ сказать, территориальнаго. Быть Солоневичей (или Чернавиныхъ) зарисованъ въ лагерномъ лагерь. Героическій бытъ имѣетъ своей территоріей вузы, студіи, учебныя мастерскія молодежи. Въ концлагеряхъ, по грубымъ подсчетамъ, томится (или томилось) до 3 милліоновъ человекъ. Можетъ-быть, столько же бодро и весело думаютъ строить новую жизнь. Одни начинаютъ свою карьеру, другіе, по незадачливости или случайности, ее окончили, — сброшены съ быстро мчащагося поѣзда. Тѣ, что въ вагонѣ, не обращаютъ вниманія на исчезнувшихъ спутниковъ. Они слишкомъ заняты разглядываніемъ волнующихъ новизною пейзажей. Завтра, можетъ-быть, придетъ и ихъ чередъ. Но сегодня они веселые путешественники, строители и патріоты социалистической родины.

Быть лагерей и вузовъ понять нетрудно. Но 6 милліоновъ еще не Россія. Съ кѣмъ же страна: со строителями или съ мучениками? Вотъ на что нелегко дать отвѣтъ.

Конечно, Солоневичъ правъ, когда говоритъ, что въ концлагерь онъ видѣлъ въ сгущенномъ видѣ то же, что происходитъ во всей Россіи. Колхозъ и фабрика тоже мѣста прину-

дительнаго, крѣпостнаго труда. ГПУ, которому принадлежатъ лагеря, хозяйничаетъ и надъ всей страной. Повсюду мучаютъ людей, разстрѣливаютъ безъ суда... Но, вѣдь, такъ же повсюду, а не только въ вузахъ, люди учатся и работаютъ съ увлеченіемъ, строятъ, а не только халтурятъ, и даже веселятся. Люди сживаются со всѣмъ: съ нищетой, съ недоѣданіемъ, даже съ перспективой насильственной смерти. Вузъ и концлагерь только фокусы, только центры лучеиспусканій, откуда снопы бѣлыхъ и черныхъ лучей прорѣзаютъ всю Россію. Лучи скрещиваются, переплетаются, картина ни бѣлая, ни черная, а очень пестрая...

Попробуемъ итти дальше и спросимъ себя, гдѣ, въ какой средѣ, преобладаютъ концлагерные и гдѣ вузовскіе цвѣта. Во всѣхъ профессіяхъ есть удачники, талантливые и сильные люди, которые овладѣли нелегкимъ искусствомъ приспособляться къ настроеніямъ власти. Они искренне любятъ свое дѣло и легко соединяютъ личную карьеру съ заботой о благѣ страны. Такихъ людей, вѣроятно, много въ арміи, въ авіаціи, среди инженеровъ, ученыхъ, художниковъ. Вузовскій типъ расширяется, охватывая — конечно, не всю, — но значительную часть совѣтской интеллигенціи. Режимъ каторги внѣ лагерей всего полнѣе осуществляется для трудящейся бѣдной деревни и города. Колхозникъ и чернорабочій всего болѣе придавлены государствомъ рабочихъ и крестьянъ и всего болѣе деморализованы имъ.

Не забудемъ осложняющихъ поправокъ. И въ колхозахъ и на заводѣ, какъ и въ концлагерѣ, есть своя аристократія, свои удачники: стахановцы, ударники, активисты. Строить карьеру можно начиная съ самыхъ низшихъ ступеней. Стахановцамъ должны быть присущи социальный оптимизмъ и веселая мораль господъ. Съ другой стороны, повсюду такъ легко оступиться и упасть. Сколько людей, въ разгарѣ головокружительной карьеры, останавливаются въ холодномъ поту, чувствуя, что незримая рука приближается къ горлу. Не сегодня — завтра позовутъ «съ нещамми».

Можно было бы сказать, пожалуй, что вузъ и каторга въ Россіи пріобрѣтаютъ значеніе классовыхъ дифференціацій. Господа жизни, вновь созданные революціей, съ одной стороны, — а съ другой поработенныя массы. Тогда свѣтъ и тѣни распредѣлялись бы ярко, какъ въ древнемъ рабовладѣльческомъ обществѣ. Внизу эргастерій съ прикованными рабами. Наверху триклиній, гдѣ Петроній принимаетъ своихъ утонченныхъ гостей. Или, поближе къ русской дѣйствительности, крѣпостная дѣвичья

и гостиная 40-х годовъ. Но эти параллели грѣшатъ двумя неточностями: во-первыхъ, въ современной Россіи культурный уровень разныхъ классовъ несравненно однороднѣе, чѣмъ въ любомъ историческомъ обществѣ. Во-вторыхъ, классовыя различія еще неустойчивы. Лично завоеванное положеніе легко гибнетъ. Неравенство — и притомъ вопіющее — не приобрѣло стабильнаго характера. Бѣдность еще не унижительно, и богатство не даетъ правъ на уваженіе.

Возможно ли подойти къ интересующей насъ дифференціи съ количественнымъ критеріемъ? Кого больше: счастливыхъ или угнетенныхъ? У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для отвѣта, кромѣ самыхъ апріорныхъ. Несчастливыхъ всегда больше, чѣмъ счастливыхъ, аристократія, отборъ — по самому понятію — есть меньшинство. Однако, это меньшинство можетъ быть весьма значительнымъ, а главное, при его активности и повышенной культурности, именно оно представляетъ современную Россію и опредѣляетъ ея судьбу. Такъ, конечно, и въ прошломъ, не крѣпостная необозримая масса, а тонкій слой дворянства и интеллигенціи творилъ исторію Россіи. Однако, до какой-то черты. До 1917 года.

Не забудемъ и «болото» — обывателя, Зошенковского героя, — того, который не организуетъ, не душитъ, но и не чувствуетъ себя на каторгѣ; изворачивается въ нелегкой борьбѣ за жизнь и хочетъ кое-какъ скрасить свое существованіе. Такихъ, вѣроятно, большинство. Соціалистическому обществу не удалось избѣжать своего мѣшанства. Оно выполняетъ даже положительную морально-санитарную роль. Не участвуя въ гражданской войнѣ и лишь пассивно въ безчеловѣчномъ строительствѣ, эта вялая, рыхлая масса смягчаетъ, какъ подушка, жестокость сильныхъ и ненависть слабыхъ. Здѣсь находятъ свое послѣднее убѣжище жалость. Это бытовая безкостная масса связана, одной стороною, съ господами, другою, — съ рабами. Безъ нея общество — всякое общество — раскололось бы на враждующіе классы. Схематическія изображенія современной Россіи слишкомъ часто забываютъ о значеніи этой аморфной, нейтральной среды.

4.

До сихъ поръ мы пытались, ошупью, установить, если не классовое, то психологически-бытовое разслоеніе Россіи. Не забыли ли мы по дорогѣ о нашей темѣ — о морали? Развѣ сим-

волическія категоріи вуза и концлагеря покрываютъ нравственныя категоріи добра и зла? Конечно, нѣтъ, и здѣсь то и начинается самая болѣзненная часть изслѣдованія.

Въ нашей условной классификаціи «концлагерь» включаетъ въ себя и палачей и жертвъ. Намъ трудно, невыносимо покрыть одной моральной категоріей чекиста и терзаемую имъ жертву. Къ тому же русская интеллигенція всегда была склонна идеализировать добродѣтели угнетенныхъ. Но мы знаемъ — знали всегда, и современная Россія даетъ намъ новый, ужасный подтвержденіи тому — что рабство развращаетъ. Есть степень насилія, которая, при отсутствіи героическаго или святого сопротивления, уничтожаетъ личность человѣка, превращаетъ его въ лохмотья, доскутъя человѣка. Конечно, совершенно разный стиль гнусности — палача и жертвы. Пусть безмѣрно болѣе тяжка отвѣтственность перваго, но Иуда-то получается изъ жертвы. А также тотъ низкій мститель, который убиваетъ дѣтей за грѣхи отца... Вотъ почему въ нашихъ надеждахъ на моральное возрожденіе Россіи не будемъ рассчитывать на миллионы сталинскихъ рабовъ. Поскольку мученичество ихъ не вольное и не просвѣтленное; поскольку у нихъ, или у большинства ихъ, нѣтъ Бога въ сердцѣ и христіанской силы прощенья — ихъ страданія искажаютъ и губятъ въ нихъ все человѣческое и оставляютъ грядущей Россіи тяжелое наслѣдіе цинизма и злобы. Поскольку... Но къ этому мы вернемся.

Обращаемся къ верхнему, чистому этажу русской жизни. Въ немъ-то такъ ли ужъ все чисто? И прежде всего, такъ ли однороденъ этотъ слой, который мы окрестили «вузовскимъ». Въдъ, изъ предыдущихъ схемъ нашихъ ясно, что онъ включаетъ не только энтузіастовъ-юношей, но и преуспѣвающихъ карьеристовъ, суровыхъ господъ жизни... слѣдовательно, и палачей? Безъ палачей не обойтись и въ красномъ, чистомъ углу Россіи. Вообще, чтобы что-нибудь понять въ ней и что-нибудь простить ей, надо разъ навсегда отказаться отъ требованій полной чистоты. Но съ этой оговоркой, не насильственно ли, не произвольно ли мы объединяемъ въ понятіе единого слоя юношу-студента и маститаго героя гражданской войны, пережившаго дожину спеціальностей — прошедшаго, весьма возможно, и черезъ Че-Ка, чтобы кончить свою жизнь краскомомъ, директоромъ завода и даже директоромъ Вуза? Нѣтъ, не произвольно, ибо онъ самъ, этотъ юноша, не отгораживается отъ господъ жизни, онъ живетъ съ ними общей жизнью, вдохновляется примѣромъ ихъ подвиговъ, ставя ихъ себѣ въ образецъ. Но и какъ изолировать себя отъ ихъ общества, когда они по-

всюду занимають первыя мѣста? Знаеть ли юноша, сколько крови на рукѣ знатнаго товарища, которую онъ пожимаетъ. Знаеть, конечно, но это его не смущаетъ. Знаеть ли онъ о милліонахъ; томлящихся безъ всякой вины въ концлагеряхъ? Знаеть, — весьма возможно, не одобряетъ, но не очень разстраивается. Вѣрнѣе, кровь и жестокость окружающей жизни не мѣшаютъ ему наслаждаться своей молодостью, сознаниемъ своей силы и радостью «творческаго» (онъ преувеличенно подчеркиваетъ: творческаго) труда. Счастливъ онъ, если ему самому, выросшему не въ годы гражданской войны, не довелось проливать кровь. Но если онъ чуть-чуть постарше, и участвовалъ въ строительствѣ первой пятилѣтки (1930-й год!), то безъ крови врядъ ли обошлось. Эта кровь его не мучитъ. Едва ли онъ вспоминаетъ о ней. Совѣтская литература даетъ намъ множество примѣровъ того, съ какою легкостью переступаетъ современный человѣкъ черезъ кровь. Не будемъ торопиться причислять его къ чекистамъ. У него такой честный и открытый видъ. Онъ вовсе не жестокъ, и полону самыхъ благихъ намѣреній: по отношенію къ родинѣ, народу, своему призванію. Не жестокъ, но, конечно, жестокъ — въ Россіи это высшая похвала. Его можно, не обижая его, назвать толстокожимъ. У него мозоли не только на рукахъ, но и на сердцахъ. Да и какъ иначе онъ могъ бы выжить и уцѣлѣть въ это жестокое время, родиться въ которомъ онъ считаетъ величайшимъ счастьемъ. Съ точки зрѣнія вѣчной христіанской и старой русской морали, у него почти нѣтъ того, что называется совѣстью. Вѣрнѣе, она у него весьма рудиментарна. Признаемъ это безбоязненно, и пусть это не мѣшаетъ намъ любоваться его мужествомъ, его жизнерадостностью, его жертвенностью.

Содержаніе велѣній совѣсти — или ея требовательность — такъ часто мѣнялись во времени. Въ средневѣковье — въ самую христіанскія столѣтія нашей культуры — жизнь человѣка цѣнилась очень дешево. Отправляясь въ дорогу, каждый бралъ съ собою мечъ или ножъ, чтобы обороняться отъ лихихъ людей. За такое, почти невольное, бытовое убійство совѣсть не упрекала... Не упрекаетъ она и въ наше время офицера и солдата, «исполняющихъ свой долгъ» на войнѣ. Или, вѣрнѣе, рѣло упрекаетъ. Скажутъ, одно дѣло война, другое — революція. Не будемъ наивничать. Мы сами живемъ здѣсь, среди изгнанниковъ, въ большинствѣ участниковъ гражданской войны. Чувствуютъ ли они угрызения совѣсти за пролитую русскую кровь? Такъ вотъ, юноши въ Россіи смотрять точно такъ же на кровь «бѣлогвардейцевъ» или «контръ-революціонеровъ»,

какъ здѣсь смотрятъ на кровь большевиковъ. Она не отягощаетъ совѣсти.

И здѣсь и тамъ, да и не только у насъ, русскихъ, — у всего послѣвоеннаго міра совѣсть не та, что была въ блаженные годы начала вѣка. И нашихъ современниковъ — не зрителей, а участниковъ исторіи — справедливо мѣрять мѣркою не XX-го, а, скажемъ, XVII-го вѣка. Тогда и юный строитель совѣтской Россіи перестанетъ намъ казаться нравственнымъ чудовищемъ, и мы поймемъ, какъ онъ можетъ имѣть такіе невинные, спокойные глаза.

Поймемъ и простимъ — ему, но не строю, который дѣлаетъ безчеловѣчіе (въ Россіи, какъ и въ Германіи) закономъ жизни. Пожалуй, труднѣе простить другое: ту неизбѣжную и повседневную ложь, которая кажется намъ несомнѣваемой съ мужествомъ и героизмомъ. Но и здѣсь, проклиная строй, покоящийся на основной лжи, постараемся вдуматься въ психологию социально-неизбѣжной лжи.

Каждое общество существуетъ на извѣстномъ цементѣ социальной лжи, называть ли ее условностью, приличіемъ или лицемеріемъ (*canon*). Въ старой монархіи лгать была неизбѣжной формой обхождения при дворѣ. Ломоносовъ, Державинъ не были подлецами, когда писали свои хвалебныя оды. Благородные люди употребляли формулы (въ Московской Руси, на примѣръ), которыя намъ кажутся несомнѣваемыми съ человѣческимъ достоинствомъ, какими, можетъ быть, потомкамъ покажутся и наши формы вѣжливости. Культъ вождей въ современной диктатурѣ гиусенъ, но для участниковъ его онъ не отличается отъ монархической вѣрноподданности. Въ Англій республиканцы по убѣжденіямъ участвуютъ на каждомъ шагѣ въ монархическихъ манифестаціяхъ, а люди, не очень твердые въ вѣрѣ, подписываютъ 39 статей англиканской церкви. Въ Россіи съ такой же легкостью голосуютъ в сѣ предлагаемыя резолюціи, не смущаясь содержаніемъ. Открытый протестъ невозможенъ и, вѣроятно, кажется лонъ-кихотскимъ, несоциальнымъ поступкомъ. Но и въ Россіи — мы знаемъ это — проводятъ различіе между добрымъ товарищемъ и подлецомъ. Есть подхалимство, котораго не прощаютъ. Есть предательство, которое исключаетъ негодя изъ личнаго дружескаго общенія. Понятія добра и зла существуютъ, хотя и сдвинуты сравнительно съ христіанской моралью. Дѣлать карьеру интригой и пронырствомъ, подставлять ножку направо ичналѣво соперникамъ, выслуживаться, пуская пыль въ глаза, особенно промышлять доносами, конечно; и въ Россіи мерзко, отвратительно, хотя обезпечиваетъ нерѣд-

ко (какъ въ доброе старое время Молчалинымъ) легкой, если и не очень прочный, успѣхъ. Честные работники, образующіе совѣтскій активъ, живутъ въ одной средѣ съ проходимцами и провокаторами. Они ими облѣплены весьма густо. Режимъ диктатуры, особенно на ея идеологическомъ ущербѣ, чрезвычайно благоприятенъ для культуры подлости. Но грани между честнымъ и подлымъ активомъ, слава Богу, не стерлись. Подлецы, время отъ времени, разоблачаются, — конечно, не всѣ. Самые ловкіе пролѣзаютъ наверхъ, къ подножію трона. Есть слои, или прослойки, по самой злосчастной природѣ ихъ наиболѣе обезоруженные передъ спросомъ на халтуру и подлость. Увы, къ такимъ принадлежитъ профессія литераторовъ, которая неволью заслоняетъ для насъ всю остальную интеллигенцію въ Россіи. Но можно быть увѣреннымъ: тамъ, въ Россіи, видятъ границы, которыхъ не смѣетъ переступить человѣкъ, имѣющій право на уваженіе. И, какъ бы ни отличались ихъ границы отъ границъ старой или христіанской морали, и мы не можемъ отказать въ уваженіи тѣмъ, кто, живя среди необыкновенныхъ соблазновъ, соблюдаетъ скромный, неписанный, но принятый для себя законъ.

5.

И это все? Все, что мы имѣемъ сказать въ защиту Россіи? Этимъ слоемъ толстокожихъ оптимистовъ и строителей исчерпывается все лучшее, чѣмъ жива Россія? Признаюсь, при всемъ уваженіи къ этой породѣ, мнѣ безконечно больно за Россію, когда я поддаюсь малодушію видѣть въ нихъ ея подлинную элиту. Эти сѣрые герои, безъ Бога и безъ жалости къ человѣку, съ большимъ вкусомъ къ жизни и труду — какъ много въ нихъ общаго съ молодежью Запада и Америки и какъ мало — со старой и древней Россіей, у которой не было ни одного изъ ихъ достоинствъ, но зато сколько имъ непонятнаго духовнаго благородства. Ловишь себя на сомнѣніи: да полно, Россія ли это? Одинъ ли языкъ русскій и территорія составляютъ духовное лицо Россіи? Вѣдь, тогда, пожалуй, и обитатели Элладскаго королевства тоже граждане древней, вѣчной Греціи.

Отъ чекистовъ и рабовъ, отъ строителей и мѣшанъ хочется вглубь ночи, окутывающей Россію. Есть еще одна категория людей, которыхъ мы не опросили въ нашей анкетѣ, и которые не могли бы дать намъ никакого отвѣта. Ибо это категория молчащихъ. Въ нихъ то и таится сейчасъ послѣдняя на-

дежда Россіи. Говоря о молчавшихъ, надо пояснить, кого, какую категорию молчальниковъ мы имѣемъ въ виду. Ибо молчать, какъ мы сказали вначалѣ, вся страна, за исключеніемъ строителей и подхалимовъ. Но у молчанія есть разная глубина, разная значительность. Я бы сказалъ, у молчанія есть разный языкъ. Объ одномъ молчаніи мы знаемъ, что за нимъ скрывается предпринять послѣднее, необыкновенно трудное «путешествіе». Мы знаемъ, что такое молчаніе ненависти или скуки. И тѣмъ и другимъ — а это, можетъ-быть, огромное большинство въ Россіи, — въ сущности, нечего сказать. Однимъ нужны нѣкоторые эффектные жесты — разmozжить голову, напримѣръ, — другимъ нужны нѣкоторыя полезныя вещи — жицклошадь и кровати съ пищечками. Да, въ сущности, эти категории молчавшихъ находятъ своихъ адвокатовъ и бытописателей. Одна въ Солоневичахъ, другая въ Зощенко. Но есть молчаніе, значеніе котораго для насъ невѣдомо. Мы знаемъ только, что оно существуетъ, и что звукъ его (звукъ тишины) на вѣсахъ вѣчнаго бытія Россіи перевѣшиваетъ весь громъ оркестра одной шестой.

Гдѣ можно подслушать это молчаніе? Начну съ простѣйшихъ примѣровъ. Когда мы съ негодованіемъ просматриваемъ списки подписей подъ очереднымъ іудинымъ письмомъ, всегда ли мы обращаемъ вниманіе на то, чьихъ подписей здѣсь не достаетъ? Мы поражены, видя пропечатаннымъ позоръ людей, которыхъ привыкла любить и уважать «вся Россія». Поражены, и больше не хотимъ ничего знать. Ну, а тѣ, кто не подписались, кто промолчали? Такъ ли ихъ ужъ мало? И что означаетъ ихъ молчаніе? Оно означаетъ, если не прямую опасность для жизни и свободы, то, во всякомъ случаѣ, для карьеры. Не подписавшійся человекъ не можетъ рассчитывать на отвѣтственные мѣста; на водительство въ той настоящей стройкѣ, въ которой ему, совершенно безкорыстно, навѣрное, хочется принять участіе. Не подписавшійся вычеркиваетъ себя изъ списка активныхъ, уходитъ въ полу-подполье, жертвуетъ драгоценными годами быстро утекающей жизни, которую онъ могъ бы отлаждать цѣликомъ любимому дѣлу, Россіи. Онъ, можетъ-быть, губитъ свое призваніе, свою жизнь, чтобы не совершить этого іудина жеста. А мы не замѣчаемъ, сколько самоотверженія погребено въ пустомъ мѣстѣ, между столбцами газетнаго листа. На каждое изъ именъ популярныхъ строителей новой культуры можно назвать не одно имя, намъ извѣстное, человека, который могъ бы быть въ первыхъ рядахъ, а кончаетъ свою жизнь въ потемкахъ бібліотеки или въ канцеляріи совѣтскаго учрежде-

нія. Мы знаемъ философовъ, ученыхъ, которые не пишутъ книгъ, талантливыхъ писателей, которые вдругъ умолкли. Преклонимся передъ жертвой, которая скрывается за ихъ молчаніемъ и не будемъ интерпретировать его въ духѣ культурной контръ-революціи.

Среди благородныхъ молчалниковъ есть, конечно, немало людей старыхъ традицій, которые органически не смогли принять новую жизнь и замкнулись въ кругу воспоминаній. Это доживающіе себя. Ихъ значеніе исчерпывается поддержаніемъ вѣшняго культурнаго преемства между поколѣніями, что само по себѣ тоже не маловажно. Но мы знаемъ среди людей этого круга и такихъ, для которыхъ опытъ грозovýchъ лѣтъ не прошелъ даромъ. Онъ очистилъ и высвѣтлил ихъ культурное и творческое себялюбіе, открылъ имъ источники неподозрѣваемой раньше духовности. Они все простили и ничего не хотятъ для себя. Имъ не жаль даже стараго и они живутъ, поскольку въ нихъ сохранилась искра социальнаго служенія, лишь вѣрой въ воскресеніе Россіи. Качество новой, открывшейся имъ духовности намъ не ясно, — оно, вѣроятно, различно у разныхъ людей, но будемъ увѣрены, что подъ чудовишнымъ прессомъ революціи эта сдержанная, недоступная слову духовность нагнетается од давленія, о которомъ мы, говорящіе и болтающіе, не имѣемъ понятія.

Одни ли старики молчать въ Россіи? Среди онѣмѣвшихъ писателей есть люди совсѣмъ молодые, иной традиціи, люди Октября, для котрыхъ пришла пора задуматься надъ смысломъ жизни. Чудомъ дошедшія до насъ «письма оттуда» рисуютъ очень молодую культурную среду, которая живетъ вѣчными вопросами духа. Можетъ-быть, это и не молчалники въ полномъ смыслѣ слова. Можетъ-быть, эти юноши, каждый въ своей специальности, математикъ или теорін искусства, пишутъ книги, какъ-то выражаютъ себя. Но не до конца. Или говорятъ за четыремя стѣнами, въ тѣсномъ кругу друзей. Чѣмъ дальше идутъ годы съ ихъ охлажденіемъ революціоннаго и вообще социальнаго энтузіазма, тѣмъ больше число молодыхъ и на всѣ 100% совѣтскихъ людей, которые ставятъ себѣ вѣчные и такіе русскіе вопросы: зачѣмъ жить? что дѣлать? Эти вопросы, можетъ-быть, измучаютъ юношу, у котораго такъ мало силъ и средствъ для отвѣта, доведуть его до самоубійства. Но они свѣдѣтельствуютъ о проснувшейся совѣсти. Да и отвѣты кому-нибудь да откроются. Не свойственъ русскому человѣку скептицизмъ. Самое замѣчательное то, что эти вопросы, въ робкой и часто рабьей маскировкѣ, просачиваются въ литературу.

Иначе быть не может. Не может вся литература великаго народа исчерпываться поверхностнымъ социальнымъ заказомъ. Нужно обладать тонкимъ слухомъ и свободой отъ предвзятыхъ идей («паразитовъ»), чтобы подслушать по этому радио голосъ молчашей Россіи. Съ большой чуткостью и изощреннымъ литературнымъ слухомъ у насъ несетъ эту службу Г. В. Адамовичъ: радиотелеграфистъ, который ловитъ въ океанѣ голосъ Россіи.

Есть среди молчалиниковъ одна категория, самая многочисленная и лучше другихъ извѣстная: это люди вѣрующіе, «церковники», которые и платили и платятъ за исповѣданіе (тоже въ сушности, молчаливое) своей вѣры годами, десятилѣтіями тюрьмы, ссылки, каторги. Признаніе ихъ извѣстнаго социального значенія слѣдуетъ видѣть въ самомъ фактѣ сохраненія властью остатковъ культа. Но не будемъ преувеличивать вѣншее, социальное значеніе этого факта. Наблюдатели Россіи послѣднихъ лѣтъ — большинство иностранцевъ и русскихъ бѣженцевъ отсюда — игнорируютъ религіозную жизнь. Очевидно, она настолько сжалась, стала удѣломъ такого меньшинства, и притомъ молчашаго, что поверхностный наблюдатель проходитъ мимо, не замѣчая самаго явленія. Да и какъ увидѣть духовную жизнь, не находящую выраженія въ словѣ, ничѣмъ не воплощенную социально. Ибо открытый культъ можетъ быть интерпретированъ по-разному, и чаще всего интерпретируется живучестью бытовыхъ традицій въ старомъ, уходящемъ изъ жизни поколѣніи.

Но мы можемъ быть увѣрены: не бытовія традиціи дѣлаютъ людей мучениками, и даютъ имъ такую силу духа, на каторгѣ и въ тюрьмѣ, о которой изрѣдка доходятъ до насъ скудныя свидѣтельства. Христіанство въ Россіи снова стало той героической вѣрой, какой оно было въ Римской имперіи, въ младенческіе годы Церкви. Сколько вѣковой ветоши должно было сгорѣть въ очистительномъ огнѣ, какъ обновилось и просіяло вѣчное!

Ихъ мало, этихъ избранныхъ, но нельзя повѣрить, чтобы такая вѣра, такое горѣніе не имѣли своего лучеспусканія. Тамъ, гдѣ горятъ эти потаенные огни, тамъ смягчается злоба, расплавляется скука, по-новому освящается созидательная работа и даже — бывало и это — кое-гдѣ опускаются руки палача.

Та жизнь духа, которая связана съ Церковью, не ограничена никакимъ культурнымъ или классовымъ кругомъ. Въ этомъ ея значеніе — если не для настоящаго — то для буду-

шаго России. И, конечно, центральный вопрос духовного воскресения России в томъ, найдутъ ли утоление новые смутные духовные запросы молодой России въ вѣчномъ источникѣ, питавшемъ донинѣ духовную жизнь народа.

**

Здѣсь, въ эмиграціи, въ нашихъ расчетахъ на русское національное возрожденіе, мы дѣлаемъ ставку на одинъ изъ двухъ полюсовъ русскаго общества: на рабовъ или на строителей. Первая ставка — на ненависть и разрушеніе, вторая — на примиреніе и созидательный трудъ. Этотъ выборъ, который политически неизбѣженъ, дѣлаетъ вся эмиграція. Онъ лежитъ, психологически и морально, въ основѣ нашего раздѣленія на пораженцевъ и оборонцевъ, которое уже начинаетъ поглощать всѣ наши политическія группировки. По мѣрѣ того, какъ призракъ войны изъ темныхъ предчувствій вступаетъ въ ясный свѣтъ историческаго дня, выборъ становится все неизбѣжнѣе. Родина зоветъ. И выборъ простой и ясный. Политику не на кого больше ставить, какъ на одинъ изъ двухъ основныхъ типовъ русской жизни. Но когда мы углубляемся мыслью въ будущее, и отъ завтрашняго дня переходимъ ко дню послѣзавтрашнему, когда гадаемъ о духовномъ обликѣ России, тогда вспомнимъ о третьемъ: о безсильныхъ нынѣ и скрывающихся по «пещерамъ и ушелямъ» совѣтской жизни, о тѣхъ, голосъ которыхъ не доходитъ до насъ, но которыхъ, поѣстинѣ, не только Россія, но и «весь міръ недостойнъ»; и на нихъ, неизвѣстныхъ, съ полнымъ сознаніемъ риска поставимъ свою ставку: ставку Паскаля, ставку вѣры, — ставку, безъ которой не для кого и не за чѣмъ жить.

Г. Федотовъ.